

УИЛЛ СЕЛФ

Уилл Селф (род. 1961) — британский писатель, автор таких книг, как «Кок-н-булл» (*Cock and Bull*, 1992), *My Idea of Fun* («Мое представление о кайфе»), *Grey Area* («Непознанная область»), *Junk Mail* («Реклама по почте»), *The Sweet Smell of Psychosis* («Сладкий аромат психопатии»), «Обезьяны» (*Great Apes*) и *Tough, Tough Toys for Tough, Tough Boys* («Крутые игрушки для крутых ребят»). В его романе *How the Dead Live* («Из жизни мертвых», 2000) описано, как после смерти люди попросту переезжают в более скучные районы Лондона. Недавно вышел сборник его коротких рассказов *Dr. Mukti And Other Tales Of Woe* («Доктор Мукти и прочие горестные рассказы»). Уилл Селф живет в Лондоне.

МОЙ приятель Бен Трейнин умер тринадцать лет назад от инфаркта, после приступа астмы, в результате осложнений от спрессованной до предела, «завернутой» жизни: это был этакий отстой жизни. Он со своей подружкой жил в районе Уайтчепел, почти на Коммершл-роуд, в квартирке, похожей на коробку из-под обуви. Кровать — на ней он и умер — они впихнули прямо под окно, откуда была видна лишь завернутая в пластиковые обертки фигня в окнах через дорогу. Бену было двадцать восемь.

Он был отнюдь не прост — о, он был сложен. Он происходил из по-своему «перекрученной» семьи, со связями как в богемной среде, так и в Ист-Энде*. Он отправился было в Ноттингемский университет изучать историю, но как-то раз перебрал амфетамина, и его обна-

* Рабочий, промышленный и портовый, район Лондона к востоку от делового центра — Сити.

ружили, когда он, в полном «неглиже», что-то проповедовал с импровизированной кафедры на крыше собственной берлоги. Так что следующие несколько лет пришлось ему разливать спиртные напитки в заведении под названием «Колони рум» в районе Сохо, и то с любезного разрешения Иэна Борда*, своего, как тот сам себя любил величать, «крестного отца». Потом он сдал общий вступительный экзамен в Оксфорд, показав беспрецедентно высокий результат. После интервью с Кристофером Хиллом — в ту пору все еще главой колледжа Баллиол — Бену предложили заняться историей. Тут мы с ним и встретились.

Бен был существом крайне сложным. Одним из номеров его программы было изображать из себя этакого простака, «чайника». Расщелина между передними зубами, всклоченные волосы, до полу отвалившаяся челюсть — этот тип мог, пожирая меня глазами, безостановочно повторять нараспев: «О-фигеть!», «Не может быть!», «Да ты что?!..» и, конечно же, «Ну, Уилл!», а потом раздражался своим идиотским, булькающим смехом. Ходил он на полусогнутых, как будто постоянно катился под гору.

* Сохо — известный район увеселений в Лондоне, один из мировых центров «контр-культуры». В наши дни здесь несколько утрачены традиции артистической вольницы, сложившиеся после Второй мировой войны. *Colony Room* («колониальная комната»), известнейший питейный клуб Сохо, открывшийся в 1948 году; с 1979 по 1994 годы принадлежал Иэну Борду (который «среди своих» был известен под кличкой «Ида»).

Бен умел делать неожиданные подарки. Вот я сижу у себя в комнате, читаю, тут на цыпочках спустится сверху Бен, молча войдет. И положит книгу с поэмами Басё или руководство по освоению китайского учения Чань* и — так ни слова и не сказав — уйдет прочь. Бен был первым, от кого я услышал всем известное теперь выражение «произвольный акт бессмысленной щедрости»...

Это был блистательный ум и невероятный путаник. Как-то он обнаружил меня на кровати, в полной прострации, в самый разгар страшного «кислотного» облома, когда ЛСД «не пошел» и меня плющило, я был тогда как в силках, а привиделся мне какой-то бесконечный, без конца и края собор, весь состоявший из одних кричащих ртов. «Да, непруха», — лишь констатировал он, увидев, в каком я состоянии. — Винца бы тебе, вот что». И залил в меня две бутылки бургундского, свернув воронкой попавшийся под руку журнал. Через час я уже танцевал под звуки хита «С глазу на глаз» Эдви-на Старра в дискотеке «Ло Сосайети»**.

* Речь об искусстве медитации: китайское слово «чань» соответствует «дзен» в Японии или «дхьяна» в Индии — это способы достижения состояния, ведущего к освобождению от мирских желаний (согласно постулату Будды: «Все страдания происходят от желаний»).

** Law Society («Ло Сосайети») означает «законопослушное общество», однако на слух можно воспринять это название клуба как антитезу «высшему обществу», как «низшее общество», то есть Low Society («лоу сосайети»).

В отношении наркотиков Бен придерживался твердого принципа: «понемногу, но часто». Он вечно курил крошечные крупички гашиша и нюхал ничтожные, пустячные дорожки амфетаминов. Вместе с некоторыми нашими приятелями, кто был одних с нами убеждений, мы тогда основали группу, игравшую в стиле «ритм-энд-блюз». Бен обожал Роберта Джонсона*, так что сам мог бы договориться сбыть собственную душу в обмен на умение щипать струны гитары. Вместе с ним мы сочиняли какие-то невероятные песенки. Я его очень любил.

Во всем этом хаосе, в адской смеси ЛСД, «спида», героина, гашиша, кокаина, философии, юности, литературы, политического протеста, секса, дружеских отношений и походов в дискотеку, ум Бена порядком подызносился. Постепенный распад нашего круга друзей, наметившиеся между нами расхождения гармонично совпали с состоянием его ума. К тому моменту, когда мы закончили университет, у Бена начала съезжать крыша, хотя уезжала она, так сказать, на денек и с обратным билетом... Но потом дни отлучек от здравомыслия преврати-

* Роберт Лирой Джонсон (1911–1938) – великий американский исполнитель блюзов, заложивший основы «чикагского стиля»; его виртуозность и способность воздействовать на аудиторию породили легенду, что он продал свою душу дьяволу за искусство исполнения блюзов (он сам якобы «намекает» на это в своем знаменитом «Cross Road Blues»).

лись в уик-энд туры по сниженной цене. В 1982 году мы с ним съехали в Брикстоне, и жили оба на одной нелегальной квартире-сквоте. Жуткий, крутой период в жизни — особенно для того, кто порядком подызносился. Как-то ночью Бен стал угрожающе размахивать у меня перед самым носом увесистым велосипедным подвесным замком U-образной формы, все провоцировал меня: чтобы я, вот прямо сейчас, укокошил нас обоих, сделал из нас обоих яйца всмятку. Да, теперь для него, некогда любившего произвольные акты бессмысленной щедрости, мир явно превратился в яростный вопль, в твердый кулак.

После этого эпизода я встречал Бена от случая к случаю. Он вернулся в Кеннингтон, деревню в нескольких милях от Оксфорда. Вначале он жил со странной, невероятных размеров особой, которая прославилась в тех местах умением «ворожить». Без дураков — я же помню, как навестил его там, и сам видел, как к ней явилась робкая, смущающаяся молодая пара — за консультацией по вопросам деторождения. Она была толста настолько, что пользовалась стульчаком повышенной прочности, и сиденье у него было, как у кресла с подлокотниками. Бен сказал мне тогда, что они получили его через систему социального обеспечения.

Потом он съехался с четой гомосексуалистов, которые были священниками. Когда я побывал там в гостях, они показались мне людь-

ми внимательными и заботливыми, оба вроде бы искренне пеклись о здоровье Бена и о его благополучии, однако в подтексте — а не то и напрямую — звучали нотки бесконечных придинок, попреков, говорившие мне, что с их стороны все было не столь уж бескорыстно.

Я как раз временно проживал в чужой квартире на Глостер-Роуд, жарким, рано наступившим летом 1985 года. Денег никаких, а привычки наирассточительные. Однажды позвонил Бен и сказал: сейчас подскочит повидаться — это впервые за много месяцев. Сказать правду, я уже какое-то время избегал его. Его попытка спровоцировать самоубийство вдвоем означала, что дела у него обстоят довольно паршиво, а с тех пор Бен все больше пристрастился к интерпретации окружающего мира через тусклое стекло Откровения святого Иоанна.

Он всюду, куда бы ни шел, таскал с собой карманную Библию — в кожаном, как сейчас помню, переплете. В разгар своих вечно бурных, бессвязных рассуждений он не раз выхватывал из-за пазухи этот томик и, размахивая им, принимался цитировать подходящее к случаю пророчество, сопровождая его собственными комментариями, которые сводились к невероятно тонким, как паутинка, неразборчивым кружевам побочных замечаний. Его ссылки на удивление всегда были не в бровь, а в глаз — это был, по-видимому, последний раунд умственной жизнеспособности, оставшийся на его долю. Монтень говорил: «...в моих кра-

ях, если хотят сказать о том или ином человеке, что он совершенно лишен ума, то говорят, что он лишен памяти»*. Бен вовсе не был лишен ума. Он говорил об остром с обеих сторон мече (1:16) и о полезности соединения с тем, кто имеет «ключи ада и смерти» (1:18).

Подобно многим, кто, шатаясь на самом краю пропасти психической болезни, еще мог удержаться — пока еще удавалось хотя бы одной ногой втиснуться в приоткрытую дверь восприятия, чтобы она не захлопнулась с треском навсегда, — Бен ощущал в Откровении жуткий, постоянный, внутренний уровень идентификации; это стало реперной точкой, вокруг которой еще была способна вращаться его надломанная психика, прежде чем случилось расщепление ее ядра. Бен не соглашался с каким-то отдельно взятым, единственным мнением о смысле Откровения — он был согласен с любыми точками зрения, со всеми.

Я не убежден, что болезнь Бена правильно диагностировали. Но знаю наверняка, что перед смертью как-то его лечили, помогали, хотя убежден, что им так и не удалось вставить эту удивительно красиво закругленную личность в квадратное отверстие общей психиатрии. Подозреваю, что у него был маниакально-депрессивный психоз. Возможно, сегодня, когда и лекарства и лечение когнитивных расстройств

* Мишель Монтень. Опыты. Книга первая, глава девятая «О лжецах» (Москва: Рипол-Классик, 1997, с. 38)

усовершенствованы, Бена можно было бы спасти — хотя кто знает...

А сомневаюсь я потому, что в распаде психики этого человека присутствовал уровень мучительного озарения, предвидения. Даже бегло перечитывая в очередной раз точные уравнения, которые декодировали нумерологическую сущность Откровений — всех этих четверых животных (4:6), помноженных на семь печатей (5:1), помноженных на двенадцать колен (21:12) из двенадцати тысяч (7:5), он все же снова ощущал, как его запугивали фурии его разума, так что, еле-еле собрав все свои силы, он возражал: «Это все, на самом деле, просто куча суеверной херни».

И вот Бен бродил по просторной, неоплаченной квартире в тот жаркий день рано начавшегося лета. Он хотел, чтобы мы сделали это вместе, чтобы мы отправились туда. Он думал, что нам на роду написано стать тем-то и тем-то или посвятить себя чему-то конкретно этому. И все это для него коренилось в Откровениях, все это имело одинаковую протяженность во времени и в пространстве детерминированного, predetermined, богонаправляемого мира — и было равносильно, подобно ему.

Он звал меня с собой в Музей естественной истории, однако я не хотел идти. Он напугал меня. Когда человек, которого любишь, то и дело совершает виражи, то впадая в безумие, то выпадая из него, это попросту приводит в ужас. Может, он и втиснет ногу в дверь, не да-

вая ей захлопнуться, однако стоит ему ненароком отпустить ее, как жуткий сквозняк унесет и вас прочь от рациональности; и вас зашвырнет в пронзительное зияние подсознания.

Бен попрощался со мной тогда — точнее, сказал, что вот, зашел попрощаться. Положил в карман эту небольшую книгу, в которой покоя нет, и ушел. А через неделю умер.

Он не желал жить с болезнью, которая у него была — и не стал мириться с нею. Верю, что он довел себя до смерти одной силой воли. А отчаянные, ползучие сорняки слухов, укоренившиеся в песчинках долгих часов сразу после его смерти, доносили до меня, снова и снова, от других его друзей, от его любовников, что Бен и к ним заходил за неделю до своей смерти; что объявился тогда впервые за много месяцев; что, как он говорил, «зашел проститься», а не просто попрощался уходя.

По прошествии нескольких месяцев я оказался в забегаловке на Хейверсток-хилл, где делают жареную курицу, чтобы взять готовое блюдо на дом, и до моих ушей донеслись вдруг составляющие знакомой мне литании: отчаянные заклинания, вовсе не набожные. Они исходили от здоровенного, неуклюжего мужчины, что был недалеко от меня, в той же очереди — его потертые джинсы достаточно обвисли, чтобы ширинка его распахнулась, представляя на всеобщее обозрение кальсоны, какие выдают только в заведениях британской Государственной службы здравоохранения. Мы

ведь находились — как я внутренне отметил — в безумно замощенных пределах Королевской бесплатной больницы*, этого зиккурата социальной гигиены. Человек этот явно страдал от целого букета шизоидных симптомов и разглагольствовал о той самой «жене, сидящей на звере багряном»: «И на челе ее написано имя: ТАЙНА, ВАВИЛОН ВЕЛИКИЙ, МАТЬ БЛУДНИЦАМ И МЕРЗОСТЯМ ЗЕМНЫМ».

Речь его была крупной, угловатой, как рубленый, латинский шрифт «антиква», только он ее еще выделял курсивом, а дальше все и вовсе шло прописными. Это было его личное, ему одному дарованное откровение.

И вот меня если не загипнотизировал, то во всяком случае заинтриговал этот пласт извращенного библейского толкования, которое из умов сумасшедших выдавливалось, подобно разноцветной полосатой зубной пасте из тюбика. Вот почему я стал прислушиваться к любому неприкаянному из попадавшихся мне на улице, кто либо бормотал что-то, либо громко проповедовал — в полном убеждении, что по крайней мере в одном из трех таких случаев меня ждет желанный результат с точки зрения откровений.

* Больница, находящаяся в Хэмпстеде, на северо-западе Лондона, была основана в 1828 году, чтобы предоставлять бесплатные медицинские услуги малоимущим. Королевский титул больница получила в 1837 году от королевы Виктории, поскольку предоставляла лечение во время тогдашней эпидемии холеры.

Я прочитал Откровение один раз — и после этого мне не хотелось его читать, ни разу. По-моему, мрачный, тошнотворный текст. Возможно, это смыкания типичных категоричных суждений и соответствующие смыкание психики, но все равно — в Откровении кроется что-то не то. По смутному ощущению, это — проникновение более древних, совершенно первобытных истин в только что подошедшее тесто синкретизма — когда неоплатоники все еще замешивали, перемалывали идею Мессии. Необузданность яростных воображаемых проявлений; каббалистская опора на числа; примитивное отвращение ко всему телесному, чувственному и сексуальному. Это само по себе способно довести до помрачения ума, в самой его сердцевине, и, расставляя акценты, располагает в определенном порядке всю бутафорию — для всех будущих иступленных, мгновенных выходов. Вредное воздействие Откровения — в его постыдном низменном обскурантизме; разве что на языке оригинала, возможно, метафорическое оказалось сплавленным с означаемым, а логос с плотью, но в Библии короля Иакова этот текст превратился в гиньоль скуки, в зловещий, предвещающий дурное фильм ужасов.

Я прочитал разные тексты, комментирующие Откровение, и все же перечитал несколько раз саму Библию. И отнюдь не считаю, что стал ближе к ее пониманию. Не в очевидных

смыслах — я ведь считаю, что иудейская и раннехристианская публичная проповедь Священного Писания — суть чистое откровение, не сопряженное с исключительно временной причинностью, с пространственной смежностью. Главное в том, что мне не дано соперничать в рамках этого сочинения, равно как мне, слава Богу, не дано почувствовать, каково это может быть — чувствовать такое...

Вчера ночью, выйдя в интернет, я решил сделать поиск по ключевому слову «откровение». Странно, все-таки, до чего же мертвые могут умереть еще больше... Бен был мертв с того самого момента, когда умер, но через пять лет после смерти он умер еще больше, сегодня он куда мертвее прежнего. Мне это ясно в связи с тем, что мое собственное восприятие его личности отличается анахронизмом: если бы удалось его воскресить сегодня, он выглядел бы неуместно рядом с моим цветным видеодисплеем, который надоедливо настаивает на режиме полного соответствия — что видишь на экране, то получишь и при печати...

Я открыл не слишком энергичную поисковую программу и напечатал с искренним благоговением: *The Book of Revelation*. Нажал на клавишу возврата и подождал. Экран развернулся свитком, будто заранее свернутым в тугой рулон, и мне были предложены на выбор 2 миллиона 666 тысяч 896 сайтов в интернете. Отнюдь не все относились к разряду «десяти самых важных откровений в новой

книге Марши Кларк»*. Да нет, если бы!.. Нет, это были непридуманные, настоящие апокалиптические видения, обуявшие интернетное поколение в современности, определяемой христианством уже 1998 год. Больше не нужно бормотать что-то себе под нос в забегаловках, не нужно больше обращаться к самим себе в неприкрашенных огороженных пространствах соответствующих лечебных заведений, где немногие свидетели ваших откровений лишь пытаются поскорей улизнуть в противоположном направлении. Сегодня все можно увидеть на экране в виде свитка, свернутого в трубку.

Наше представление об апокалипсисе пропитано языком Откровения. В двадцатом столетии уже пала звезда «полынь» (8:11), и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь (6:12). И мы все слышали безмолвие — как бы на полчаса (8:1), и оно сопровождало снятие той самой, седьмой печати, но все же мы все еще здесь, на Земле.

У меня нет никаких иллюзий насчет личного бессмертия — это все суета сует, опиум народа... У меня нет времени на восприятие людей как существ, рожденных в грехе и стонающих в ожидании искупления. Если Откровение

* Марша Кларк (*Marsha Clark*) — обвинитель на громком процессе О. Дж. Симпсона в 1995 году, когда он, звезда американского футбола, обвиненный в убийстве своей жены и ее друга, после длительного суда был все-таки оправдан судом присяжных. Она написала про этот процесс книгу «Вне всяких сомнений».

и вызвало у меня какое-то чувство сейчас, когда мы оказались у подножия нового тысячелетия, ожидая возле телевизора показа ретроспективных программ, которые займут множество часов, то, скорее, оно соответствует суеверному благоговению: «Узрите дела совершенные мной, и отчайтесь»*. Надо же было этому древнему тексту пережить века, чтобы стать ядром современного психопатического кошмара...

Не одни люди добрые умирают молодыми** — но с некоторыми из них это случается.

*Посвящается памяти
Бенджамина Грегора
Трейнина (1957–1985)*

* Цитата из стихотворения «Озимандиас» Перси Биши Шелли («Имя мое — Озимандиас, Король Королей. Узрите дела, совершенные мной, и отчайтесь»).

** Раскавыченная цитата из песни рок-группы *Iron Maiden* (альбом 1988 года: «Седьмой сын седьмого сына»)

*Only the good die young
All the evil seems to live forever*

(Лишь люди добрые умирают молодыми,
А все зло, как кажется, живет вечно.)